

О российских истоках Петровских реформ государственного управления

Т.В. Черникова

Данная статья посвящена изучению вопроса реформирования государственного управления в царствование Федора III и в регентство Софьи в последней четверти XVII в. Автор находит параллели между государственными реформами Петра I и преобразованиями государственного управления Федора III и в период регентства Софьи. Автор выясняет, в чем состояли причины реформ и каковы были итоги и значение данного явления.

Новое время потребовало от западноевропейских стран существенного изменения в области организации государственного управления. Модернизация социально-экономических отношений, выразившаяся на Западе как в превращении торговли и промышленности в главные локомотивы экономики, так и в превращении буржуазии в новый господствующий класс, в политической области привела к становлению абсолютизма, а в наиболее модернизированных странах – Англии и Голландии – чисто буржуазных государственных конструкций в форме конституционной монархии или республики.

Все это придало динамизм внутренней и внешней политике западноевропейских стран, осложняя задачу сосуществования и конкуренции с ними средневековой России с ее вотчинным укладом социально-экономической и политической жизни. Однако вотчинное Русское государство оказалось способным к мимикрии. Испытанный в прошлые полтора столетия опыт поверхностной европеизации (заимствование чужого опыта и форм, без

изменения внутренних основ) опять оказался главным ответом на требования времени.

Восстановленная после 1613 г. монархия первой половины XVII в. с ее действенными Земскими соборами имела шанс послужить началом глубокой модернизации внутреннего государственного устройства России и выработки качественно новой внутренней политики. Однако данная альтернатива не реализовалась. Слишком слабы и малы в количественном соотношении были протобуржуазные городские слои русского общества. По мере укрепления центральной власти вотчинный уклад брал свое. При Алексее Михайловиче постепенно сложилось неограниченное самодержавие. Внешне оно вполне напоминало западноевропейский абсолютизм. Но если на Западе в социальной основе абсолютизма лежало равновесие старого дворянства и нового класса буржуазии, то в России базой самодержавия оставалось признание государя (государства) верховным распорядителем всех земель и прочих ресурсов страны. Это превращало всю общественную элиту и прочие слои населения во

Черникова Татьяна Васильевна – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

вторичных владельцев недвижимого (а часто и движимого) своего имущества, выстраивая всю социально-политическую жизнь России по вертикали «государь – холопы».

Но если вотчинный уклад являлся характерной чертой внутреннего устройства Московского государства XV–XVII вв, то другой важнейшей его особенностью было постоянное, нарастающее заимствование разнообразного западного опыта. Россия являлась спутником западноевропейской цивилизации, и даже само его существование, как уникального исторического феномена, было невозможно без западного влияния. Давление Запада, часто враждебное, что ярко было продемонстрировано в Смуту, побуждало Российское государство давать своевременный ответ, заимствуя у этого же самого Запада его изобретения, особенно в военной и технической области. Это делало Московию вполне конкурентоспособной по отношению к западным странам и давало огромное преимущество в имперском продвижении России на восток и юго-восток, придавая русской экспансии в Северную Азию европейское обличье.

В XVII в. у России появилась тенденция заимствовать и административный западный опыт. Наиболее ярко это проявится позже – в ходе преобразований Петра I, но предпосылки были заложены именно в XVII столетии. В этом плане внимание историка должно привлечь к себе царствование Федора Алексеевича (1676–1682). Краткость его правления привела к осуществлению лишь малой части задуманных им (или его окружением) реформ, но наличие самих планов реформ, прекрасно отраженных в исторических документах, указывает на истоки петровских государственных нововведений. Мы коснемся только тех преобразований и идей царствования Федора и регентства Софьи, которые можно рассматривать, как предпосылки реформ их брата – Петра I.

Пик реформаторской активности времен Федора III приходится на 1679–1682 гг., когда юноша-царь достаточно возмужал, как самостоятельный государственный деятель. Определительная и его «команда». Видную роль при Федоре играли «старые бояре», в частности родственник царя по материнской линии весьма консервативный И.М. Милославский, но не менее важной оказалось и ближнее окружение царя – неформальная «Ближняя дума», включавшая окольных и оружейников И.М. Языкова, постельничего А.Т. Лихачева и боярина В.В. Голицына. Последний, в отличие от «худородных» Языкова и Лихачева, был родовитым человеком, но при царе Алексее Михайловиче карьеры не сделал. В «малом» для своего рода чине стольника Голицын находился и в начале царствования Федора. В отличие от федоровских выдвинутых Языкова и Лихачева, служивших в придворных «гражданских» чинах, Василий Васильевич Голицын большую часть службы провел в войске. Талантом военачальника он не отличался, но участвовал в Чигиринских походах, где и был замечен, а чуть позже вызван в столицу и произведен сразу из стольников в бояре, минуя окольных.

Историки до сих пор спорят, кто был реально более влиятелен – «серый кардинал» И.М. Языков или видный В.В. Голицын. Чем ближе к эпохе Петра I историк, тем больше он акцентирует роль Языкова (В.Н. Татищев, Б.И. Куракин, отчасти Н.М. Карамзин). Мы вправе заподозрить здесь «петровский» государственно-идеологический заказ на принижение значения Голицына, тесно связавшего себя с регентством царевны Софьи, опаснейшей конкурентки Петра I. Современная историография склоняется к большему влиянию В.В. Голицына во времена Федора (А.П. Богданов, Н.Ф. Демидова, Л.Е. Морозова, А.А. Преображенский).

Прежде чем мы дадим краткую справку о попытке государственных реформ в 1676–1682 гг., следует проинформировать читателя о дискуссии, которая последнее время развернулась вокруг личности царя Федора. Апологеты Петра, включая крупнейшего из современных исследователей петровского времени Н.И. Павленко, находят царя Федора III болезненным, неспособным к самостоятельным действиям правителем, считают его личный вклад в отечественную историю близким к нулю. Взгляд диаметрально противоположный этому представил А.П. Богданов в книге с говорящим названием «Несостоявшийся император Федор Алексеевич». Менее ревностно к личности Федора, но не к значимости проводимых в 1676–1682 гг. преобразований высказывается П.В. Седов в книге «Закат Московского царства»¹. Эта книга посвящена исследованию царствования Алексея и Федора. Автор, глубокий знаток обширного архивного материала, оказался в результате его анализа между «Сциллой и Харибдой»: идеологически являясь апологетом эпохи Петра, он, «влюбленный в осень русского Средневековья», вынужден был приходиться к противоречивым заключениям. Это, однако, не повлияло на исключительно интересную и обоснованную его концепцию II половины XVII в. Сама концепция из рода споров о стакане воды, наполненном наполовину (вопрос о соотношении признаков русского Нового времени и старого русского Средневековья): этот стакан наполовину пуст?! или он наполовину полон?! Раз «Закат...» – значит «Закат Средневековья» (в противовес книге А.П. Богданова, где явный «Рассвет Нового времени...»). Между тем для XVII столетия однозначный ответ в духе формальной логики невозможен, здесь применима лишь диалектика. Такой диалектический подход и демонстрирует П.В. Седов при оценке времени Федора. Он приходит к выводу, что у всех Петровских реформ имелись истоки в реформах или планах таковых времен царствования Федора. Однако сам курс Федора историк оценивает как робкий и противоречивый². П.В. Седов указывает на усиление государства, но отрицает рост абсолютистских тенденций. В совещаниях правительства с выборными от сословий видит возвращение к практике Земских соборов. П.В. Седов не видит олигархических стремлений боярства и в целом русской политической элиты. Именно с действиями элиты историк связал ре-

■ 2012 – Год российской истории

альное управление, дальнейшую централизацию страны при слабом Федоре III. На основе огромного комплекса архивных документов П.В. Седов доказал, что усиление царской власти во II половине XVII в. не сопровождалось сокращением влияния «большой» и «ближней» Боярской думы, а также патриарха.

Помимо монографий А.П. Богданова и П.В. Седова, говоря о царствовании Федора, необходимо упомянуть книгу О.В. Новохатко «Разряд в 185 году»³. В ней блестяще опровергается традиционное заблуждение о неэффективности приказного управления XVII в. по сравнению с бюрократией Петра I. Данный миф развенчивается на примере скрупулезного анализа работы государственного аппарата в порубежье для царствований Алексея и Федора время – 1676–1677 гг.

Мы далее, рассказывая о курсе царствования Федора, будем придерживаться версии А.П. Богданова, Н.Ф. Демидовой, Л.Е. Морозовой, А.А. Преображенского, так как их акцент на поиски «нового» (без отрицания «старого») лучше позволяет увидеть процесс европеизации России в XVII в.

Важнейшим шагом в реформировании аппарата центральной государственной власти при Федоре Алексеевиче было создание Расправной Золотой палаты во главе с Н.И. Одоевским. Во многом она была предшественником петровского Сената. У палаты, как и у Сената, а до его появления в 1711 г. у петровской «Консиллии министров» было три функции:

1) она явилась высшим исполнительным органом после царя и замещала царя в моменты его частых болезней;

2) имела законотворческую функцию (к примеру, из 26 царских указов 1681 г. только 7 оформлены, как «царь приказал, а бояре приговорили», т.е. через Боярскую думу, а 19 – именными указами царя, идущими через палату Одоевского⁴);

3) играла роль высшего после царя судебного органа, через который рассматривались многие «важные дела», минуя Думу.

А.С. Лаппо-Данилевский⁵ и С.М. Троицкий считали другой ценнейшей вехой федоровского царствования продолжение процесса централизации и начало процесса бюрократизации управления, что впоследствии будет завершено Петром I и его преемниками уже в XVIII в. Примером данных процессов названные историки полагали сосредоточение к концу мая 1680 г. всего финансового управления России под властью главы приказа Большой казны и еще трех других приказов, боярина И.М. Милославского. П.В. Седов оспаривает это мнение. Он усматривает в характерных для конца XVII в. объединениях нескольких приказов под властью одного влиятельного боярина скорее децентрализацию, а точнее, уход прямого контроля из рук слабого или малолетнего государя в руки влиятельных вельмож. Нам ближе взгляд Лаппо-Данилевского и Троицкого, так как важен не сам факт режима «личной власти» государя, а той политики, которую ведут бояре, получившие из его рук (или его именем) ключевые государственные должности.

Еще одним значительным шагом времен царствования Федора III уже в области реформы местного управления было максимальное усиление власти воевод на местах. Они не только окончательно заменили губных старост, учрежденных еще губной реформой Ивана IV и Избранной рады, но и потеснили выборных начальников городского управления, чем вызвали недовольство посадского населения, что, впрочем, Федора мало тронуло. То же впоследствии сделал младший сводный брат Федора Алексеевича – Петр Алексеевич, передав власть на местах в руки назначаемых им губернаторов (первая областная реформа 1708–1710 гг.), а потом также назначаемых царем воевод в провинциях (вторая областная реформа 1719 г.). Причем, введя губернаторское правление, Петр вскоре был вынужден признать, что созданные им губернии слишком велики для эффективного управления, и вернулся, по сути, к той форме воеводского управления на местах, которую ввел в России во второй половине 1670-х гг. его старший брат.

Осенью 1681 г. «команда» Федора III замыслила грандиозный план перестройки государственно-церковного управления. По форме он был во многом заимствованием из польско-литовского опыта, но, по сути, был прямо противоположен духу польско-литовской государственности, ибо вел не к утверждению в России «шляхетской республики» с выборным королем, «либертум-вето» у членом Сейма, правом шляхты на вооруженные «конфедерации», а на усиление абсолютизма. Причем внешне напоминая западный абсолютизм, русское самодержавие будет сохранять свою совершенно иную (вотчинную) социокультурную основу. Тем же путем, как мы знаем, пойдет и Петр I.

Существенным отличием между планами реформ Федора III и преобразованиями Петра I будет источник заимствования формы государственных органов. Петру I оказались ближе не польские, а западноевропейские формы. Другое отличие состояло в том, что Петровские реформы шли спонтанно, были разбросаны во времени и не предполагали одновременного реформирования всей системы высших государственных и церковных органов, так как диктовались конкретными условиями и нуждами Северной войны. В свое время Н.И. Павленко⁶ доказал, что при всей стройности петровских преобразований в целом они явно не имели изначально продуманного плана. Федор III, напротив, сначала разработал проект реформ, который (и это самое существенное отличие) сумел реализовать лишь частично. В итоге Петру I пришлось завершать задуманные при Федоре начинания.

Федоровский проект предполагал одновременное реформирование церковной и административной власти в России.

Авторами церковной части реформ, по предположению Т.Б. Соловьевой⁷, являлись дьяк Илларион Иванов и боярин В.Ф. Одоевский. Целью реформы являлось ослабление власти патриарха как перед лицом высшей светской власти, так и по отношению к местному духовенству. После теократических претензий патриарха Никона и откровен-

но консервативной позиции духовенства в целом в отношении новых веяний, особенно в области заимствования европейского опыта, это была логичная государственная линия. Проект предполагал увеличение числа русских митрополий до 12, а архиепископств и епископств до 70. Сакральная символика чисел, которой увлекался царь, указывает на 12 апостолов Христа и 70 его учеников. При этом власть духовных иерархов строилась по принципу «вассал моего вассала не мой вассал»: патриарх не имел прямого выхода на низшие слои духовенства, ими руководили другие иерархи в зависимости от положения в церковной чиновной лестнице. Права митрополитов и епископов от этого выигрывали. Открывалась возможность назначать на эти должности более гибких и образованных духовных лиц, в частности выходцев из Левобережной Украины и православных районов Речи Посполитой, выехавших, подобно Симеону Полоцкому, а также их российских учеников (подобных Сильвестру Медведеву). Это давало шанс повернуть деятельность церкви от консервативной защиты средневековых устоев веры, понимаемых в России в духе установок иосифлян, к развитию православной доктрины в рамках Нового европейского времени, позитивного участия церкви в развитии образования и воспитания паствы в новых условиях. Осуществись подобное, роль церкви в европеизации и даже модернизации России была бы другой, как другим было бы и нравственное здоровье нации и власти в переломные эпохи русской истории. К несчастью, история не имеет сослагательного склонения...

Светская часть проекта, разработанная под руководством В.В. Голицына, имела три составляющих: «О судах», «О чести», «О наместничествах».

Проект «О судах» предполагал, по сути, разделение уже существовавшей Расправной Золотой палаты на «Судебную палату» и «Ответную (т.е. исполнительную) палату». Как мы видим, зачатки современной политической мысли о пользе разделения судебной и исполнительной властей посещали умы русских реформаторов уже в XVII столетии. К тому же проект делал ненужной Боярскую думу, превращая ее в архаический памятник придворной традиции, лишенный реальной власти.

Проект «О чести» являлся своеобразным предшественником «Табели о рангах» 1722 г. Он выстраивал новую иерархию чинов из 35 индивидуальных и групповых степеней, носители которых могли претендовать на более чем 80 важнейших государственных должностей. Старый принцип местничества заменялся личными заслугами служилого лица перед государством и выслугой лет. Проект предполагал резкое повышение статуса тех рангов, в которых находились ближайшие сподвижники царя, а именно «оружейничего» (И.М. Языков) и «постельничего» (А.Т. Лихачев). Для боярина В.В. Голицына предполагалось ввести новое звание – «дворового воеводы», аналог чину «фельдмаршала», а возможно, и «генералиссимуса» при Петре I. Вначале предполагали, что новые названия для 35 степеней возьмут из польско-литовской тра-

диции, но потом, боясь обвинений в «латинстве», решили черпать названия из таблицы чинов византийского двора: «провестиарий» (постельничий, аналог «обер-камергера» двора Петровской таблицы), «спетер» (кравчий) и т.д.

Проект «О наместничестве» предполагал разделить Россию на 12 наместничеств. М.Я. Волков⁸ видит в нем зародыш учреждений губернского типа XVIII в. До обсуждения проекта церковно-административной реформы в Боярской думе Федор Алексеевич направил его на благословение патриарха. И не получил благословения. Напротив, патриарх Иоаким развел бурную оппозиционную деятельность. Он высказал недовольство, особенно наместничествами, видя в них условие для сепаратизма и подрыва единоначалия в России. На деле это означало не столько критику светской части реформы, сколько недовольство ростом влияния «церковных наместников» – митрополитов и епископов, которым предполагалось передать в непосредственное управление церковные дела на местах. «Эзопов язык» патриарха особенно четко звучал на срочно созванном им в ноябре 1681 г. Освященном соборе.

При этом патриарх в духе иосифлянской традиции давал понять, что, если царь пойдет на уступки в области церковной реформы, патриарх Иоаким не выступит против светской части готовящихся преобразований. (Подобную прагматическую тактику Иоаким исповедовал и ранее. Так, еще не будучи патриархом, но являясь архимандритом придворного Чудова монастыря и будучи ярким противником западного влияния, он нашел нужным сблизиться с Артамоном Матвеевым, известным поклонником «европейских новшеств». Все дело было в том, что Матвеев входил во все больший фавор у царя Алексея Михайловича, а лояльность царского любимца была нелишней для дальнейшей карьеры Иоакима. В 1672 г. он стал новгородским митрополитом, а в 1674 – Патриархом Московским и всея Руси.)

Федор пошел на уступки патриарху. Новая редакция проекта свела реформу церкви к незначительному увеличению числа митрополий и епископств без структурного изменения патриаршего единоначалия. Остался неизменным и курс на жестокое подавление старообрядцев. Все это означало, что к стратегически необходимой для развития русской культурной и духовной жизни церковной реформе придется возвращаться в будущем. Имелся лишь незначительный тактический выигрыш: при обсуждении проекта реформ в Боярской думе патриарх ни разу не высказался против.

А дискуссии в Думе приобрели столь резкий тон, что иногда доходило, как отмечал летописец, до «междоусобия». Царь явно встретил оппозицию в лице аристократической Думы. Тогда он решил опереться на некое возрождение форм, присущих Земской монархии первой половины XVII в. Он предложил Думе компромисс, решив передать проект на доработку комиссий с участием выборных от различных сословий депутатов. Но не от всех сословий, кроме крепостных, как было во

■ 2012 – Год российской истории

времена расцвета Земских соборов времен Михаила Романова, а тех сословий, которых напрямую касались вопросы реформы. Впрочем, известный специалист по истории русских Земских соборов Л.В. Черепнин считал, как и ныне П.В. Седов, что комиссии начала 1680-х гг. были последними полнокровными Земскими соборами XVII столетия⁹. (Большинство ученых называет последним Земским собором полного представительства и полномочий Собор 1653 г., решавший вопрос о принятии Украины под руку Москвы и начале войны с Речью Посполитой.)

В перипетиях обсуждения проекта Федор III выступил куда большим «европейским сувереном», чем Петр I. Французский король Людовик XIV заявлял: «Государство – это я!» Но на деле его роль состояла в постоянной координации интересов старого дворянства и новой буржуазии, поддержании по средствам государственной власти равновесия между ними, что и придавало королевской власти ее относительную самостоятельность, а Франции – внутреннюю стабильность, поступательное развитие экономики, общественных отношений и культуры. Все это, вместе взятое, обеспечивало базу для амбиций во внешней политике Франции. Во Французском королевстве, как и в иных западноевропейских государствах, править без учета расклада общественных сил было невозможно. Кто и вправду мог заявить: «Государство – это я!», так это русский монарх, являясь персонализацией вотчинного устройства социокультурного уклада России второй половины XV – начала XVII в., за исключением Смуты, царствования Михаила (1613–1645) и начала царствования Алексея Михайловича. Неслучайно Петр I, как известно, шел напролом, открыто игнорируя мнение общества по многим вопросам, особенно в выборе форм и методов своих преобразований. Правда, в итоге сами петровские преобразования оказались весьма противоречивыми с точки зрения пользы стратегического развития русского общества, зато они принесли явное усиление русского самодержавия при «закрепощении всех сословий» и столь исконной центральной властью со времен основателя единого Московского государства Ивана III статус России как великой европейской державы.

В отличие от Ивана III, Василия III, Ивана Грозного и, конечно, Петра I, царь Федор Алексеевич демонстрировал прямо-таки европейское желание учитывать мнение окружающей его политической элиты. А элита эта была в значительной степени консервативной, что и показал опыт обсуждения проекта церковно-административной реформы. В этом плане можно провести аналогию между положением, в котором оказался Федор и его «команда», и положением Александра I и его «молодых друзей» в начале XIX в. Но в отличие от Александра I, Федор III попытался расширить социальную базу, решавшую судьбу его реформ, о чем говорит вроде бы нелогичное с точки зрения курса на становление абсолютизма в России обращение царя к традиции Земских соборов. Последнее не помогло реализации всех задуманных преобразований, но сумело

продавить отмену устаревшего местничества, причем методами, куда менее болезненными, чем те, к которым будет тяготеть Петр I.

Итак, осенью 1681 г. было учреждено две комиссии. Первая решала судьбу военных чинов и военной службы. Председательствовал здесь глава приказа Ратных дел В.В. Голицын, но активную роль играли также боярин В.Д. Долгоруков, окольный Д.А. Барятинский, думный дьяк В.И. Змеев, дьяк Разрядного приказа В.Г. Семенов. Вносили свои мнения выборные от служилых людей. Итогом оказалось «Соборное деяние» от 12 января 1682 г. Его положения публично зачитал на Кремлевской площади В.В. Голицын, после чего состоялся символический акт сожжения местнических книг. Так в России было отменено местничество, которое часто стояло камнем преткновения для назначения на высшие должности талантливых людей и тем мешавшее эффективности государственного управления. То, что местничество – анахронизм, явно осознавал уже Алексей Михайлович Тишайший, отчего часто и открыто игнорировал его принципы, давая чины и должности не «по породе». Пример тому – возвышение Ртищева или Ордина-Нащекина. А вот в царствование Михаила Федоровича число местнических «разборок» зашкаливало, причем жертвой их пришлось однажды стать и одному из спасителей Отечества – Д.М. Пожарскому. Отмена местничества стала самой большой государственной реформой, произведенной Федором III.

Если голицынская комиссия подготовила уничтожение местничества, то вторая комиссия занялась налоговой реформой. Видимо, налоговая реформа 1679 г. (переход к подворному обложению) не удовлетворила царя. К деятельности второй комиссии были привлечены выборные люди от посадов (по 2 человека от города), приказные люди Поместного приказа, где набралось множество спорных дел о земельных владениях. Работу комиссии прервала смерть царя. Далее работа этой комиссии не возобновлялась, а выборных распустили по домам.

С курсом царя Федора Алексеевича связано еще одно важное событие – выдвижение царевича Петра в качестве возможного наследника русского престола. Это, в свою очередь, привело к формированию придворной «партии Петра», известной больше под условным названием «партии Нарышкиных». В июне 1681 г. трагически завершился первый счастливый брак Федора. 11 июня при родах умерла его жена А.С. Грушецкая, а вскоре след за ней последовал и царский сын младенец Илья. Вопрос о наследнике постоянно болеющего царя Федора остался открытым. И.М. Языков и А.Т. Лихачев склонили царя к скорому новому браку. Но выбор ими конкретной новой царской невесты говорил о том, что планировался и «запасной вариант». Новая царица, 14-летняя Марфа Матвеевна Апраксина, была крестницей опального Артамона Сергеевича Матвеева, воспитателя матери царевича Петра – Натальи Кирилловны Нарышкиной. Матвеев – главный любимец Алексея Михайловича периода завершения его царст-

ования – как известно, выступил сторонником Петра как наследника еще в последний год жизни царя Алексея. После нового брака Федора III положение до этого явно «опальной царицы» Натальи Кирилловны улучшилось. В 1681 г. ей разрешили вернуться в кремлевский дворец. Последовало и смягчение ссылки А.С. Матвеева. Его перевели поближе к Москве. Все это свидетельствовало о сближении Федора с «партией Нарышкиных».

К самому Петру Федор III всегда относился с искренней любовью, веселил мальчика фейерверками и пушечной стрельбой в подмосковных царских резиденциях. И, возможно, именно эти детские воспоминания определили дальнейшую привязанность Петра к подобным забавам. На близость к «Нарышкиным» фаворитов Федора – Алексея Тимофеевича Лихачева и его брата Михаила – указывает и то, что потом (в период начального кратковременного «одиочного» царствования Петра I в апреле – мае 1682 г.) они оказались в кругу высших управленцев. Это же можно сказать о И.М. Языкове, неслучайно в ходе майского стрелецкого бунта 1682 г. мятежные стрельцы расправляются с ним, как с прочими ненавистными вельможами из «партии Нарышкиных». И.М. Языков, как и не во время для себя возвращенный из опалы А.С. Матвеев, был растерзан восставшими. После Хованщины А.Т. Лихачев оказался в ссылке в Калязинском монастыре. В 1685 г. он был вызван оттуда, но вновь его карьера пошла в гору только после переворота 1689 г. в пользу «младшего царя» Петра Алексеевича. В 1700 г. мы застаем А.Т. Лихачева на посту главы приказа Рудных дел. Успешно при Петре шла карьера и брата А.Т. Лихачева. М.Т. Лихачев был в 1690 г. произведен в окольничие, в 1692 г. возглавлял Серебряную, Золотую и Оружейную палаты, с 1698 г. служил в Казенном приказе. С государственной точки зрения живой, любознательный сводный брат царя Федора, отличавшийся к тому же завидным здоровьем, куда лучше подходил на роль наследника, чем косноязычный, подслеповатый, заторможенный и постоянно хворый родной брат Федора III – царевич Иван Алексеевич. Отчасти по этим соображениям к «партии Петра» явно примкнул и патриарх Иоаким, хотя основным в выборе патриарха, наверное, послужило предположение, что «Нарышкины» будут более привязаны к «старомосковской тишине», столь любезной его средневековой душе, чем «партия Ивана», возглавляемая явным сторонником западных новшеств В.В. Голицыным и царевной Софьей, женщиной (!), что уже не вписывалось ни в какие представления о «родной традиции».

Очевидно, что провозглашение 10-летнего Петра царем сразу же после смерти Федора Алексеевича было актом, подготовленным любимцами Федора – А.Т. Лихачевым, И.М. Языковым в содружестве с «партией Нарышкиных», патриархом и отчасти самим царем Федором. Хотя решительной точки в этом деле Федор III не поставил. По официальной версии, он так и не произнес имя наследника и не благословил его, как сделали в свое время на смертном одре его дед царь Михаил Федорович

и отец царь Алексей Михайлович. Но, с другой стороны, мы знаем, что в последние дни жизни Федора при нем неотлучно находилась сестра Софья Алексеевна, которая полностью отгородила умирающего от контактов с другими людьми. Имя ее «протеже» – царевича Ивана Алексеевича – царь Федор Алексеевич также не назвал.

Что касается еще одного видного сподвижника царя Федора Алексеевича – В.В. Голицына, то в кризисные для русского престола апрельские дни 1682 г. он сделал иной выбор: стал сторонником «партии Ивана», а точнее, сподвижником царевны Софьи Алексеевны, решившейся на невиданный для царевен поступок: желание участвовать в управлении государством. С необычной царевной Василия Васильевича Голицына связывали узы личной приязни, многие современники (иностранцы и русские) говорили о любовной связи князя и царской дочери. Еще при жизни Федора, в деле выбора его второй жены, царевна Софья и В.В. Голицын предлагали кандидатуру вовсе не из круга Нарышкиных и А.С. Матвеева. Они стояли за Прасковью Салтыкову, которая в будущем станет супругой «старшего царя» Ивана V Алексеевича. В отношении регентства царевны Софьи (1682–1689 гг.) в исторической литературе присутствует три точки зрения: для одних – это период кардинальных реформ, для других – органичное продолжение курса предшественников, для третьих – время отката к «старомосковской старине».

Последнюю точку зрения высказывают как почитатели славянофильского и почвеннического взглядов на отечественную историю, для которых регентство Софьи позитив, так и ярые сторонники преобразований Петра, для которых регентство – символ застоя и невежества. Надо сразу оговориться, что оценка 1682–1689 гг., как «старомосковского периода», является устаревшей, высказанной в основном авторами конца XVIII – начала XIX в. Главный недостаток этой точки зрения состоит в том, что она базируется не на исследовании документов эпохи, а на идеологической позиции авторов в отношении преобразований Петра I. Для безоговорочных апологетов Петра I, яркий пример которых олицетворяют взгляды Н. Устрялова, Софья, являясь конкурентом Петра, априори воспринималась противником реформ и европеизации России, а следовательно, была однозначно отрицательным историческим персонажем. «Славянофильствующие» авторы, в частности Б. Костин, автор книги «Царевна Софья», создает художественный, преимущественно вымышленный образ царевны – защитницы самобытно развивающейся Святой Руси, в противовес ужасу петровских «европеизаторств».

Исследователи середины XIX – начала XXI в., имевшие предметом анализа источники конца XVII в., решительно отвергли приведенный выше подход. Даже не углубляясь в документы, нетрудно понять, что женщина-правительница, не мать и не вдова государя, в русской истории явление новое, отвергавшее традицию, особенно на фоне присущей первым Романовым привычки – отсылать царских дочерей в монастырь. Невозможно доказать и

■ 2012 – Год российской истории

преданность «старомосковской тишине» В.В. Голицына, главного сподвижника царевны, известного сторонника европейского влияния, разработчика реформы по отмене местничества.

Для современной историографии вопрос о регентстве Софьи сводится к дилемме: было ли это время подготовки кардинальных реформ или прямое продолжение курса прежних Романовых на постепенные преобразования при постоянном росте западного влияния. Яркими защитниками первой точки зрения являются зарубежные историки З. Шаховской и О'Брайн.

Мы склонны разделить точку зрения профессора Лондонского университета Линдси Хьюз. Ее монография, посвященная изучению жизни и деятельности царевны Софьи, написана на основе обширного корпуса источников. Л. Хьюз были исследованы разные аспекты: от вопросов воспитания царевны до анализа ее государственной политики; от взаимоотношений светской и церковной властей до направления развития русской культуры в 1682–1689 гг. в целом. На английском языке книга Л. Хьюз вышла в 1990 г., ее русский перевод под названием «Царевна Софья. 1657–1704» появился в Санкт-Петербурге в 2001 г.

Л. Хьюз прекрасно обосновала точку зрения, давно высказанную рядом отечественных авторов¹⁰, что правление Софьи стоит рассматривать в контексте общего курса первых Романовых. Для решительных реформ, идея которых была не чужда главному сподвижнику Софьи В.В. Голицыну, не доставало ни времени, ни легитимности правительства. Регентство само по себе указывало на временное обладание Софьей властью. Особенно четко это проявлялось на фоне неотвратимого взросления «младшего царя Петра», не нуждающегося в будущем в опеке родственников.

Изучение государственных актов 1682–1689 гг. и других источников привело Л. Хьюз к выводу, что внутренняя политика Софьи затрагивала те же аспекты, что и политика царей Алексея и Федора III. Софья и Голицын стремились продолжить постепенное создание регулярной армии в России путем постепенной замены формирований «старого строя» (дворянской сотенной службы, стрельцов и пр.) регулярными полками «европейского строя». В русле этой военной реформы предпринимались меры к техническому перевооружению армии, развитию отечественной промышленности и торговли. Софья стремилась и к поддержанию «служилой системы, системы налогообложения и тесно связанной с ними системы землевладения и крепостного права», а также ее курс предполагал восстановление после бурных событий стрелецкого выступления мая 1682 г. «правопорядка в отношении безопасности государства и церкви».

Опираясь на исследование Л. Хьюз¹¹, мы кратко остановимся на регламентации судебной практики регентства, в которой есть явный признак европейского влияния и стремления к робкой модернизации. С современной точки зрения Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. установило крайне жестокие наказания не только

за серьезные преступления, но и за незначительные проступки. В Уложении 1649 г. впервые были выделены в особый вид преступлений – политические дела («Государево слово и дело»). К ним относилось все, несущее угрозу государственной власти: от бунта «скопом» до «поносных слов» в адрес царя, правительства и членов царской семьи и простых описок в царском титуле. За все полагалась смерть, варьировалась лишь степень мук виновного. В марте 1683 г. был выпущен Указ, по которому описки, досужая болтовня о царской фамилии и даже «непристойные слова», если они были сказаны впервые, «спяну», «по незнанию» и без умыслу, наказывались не казнью, а поркой кнутом и отсылкой на окраины.

Наблюдалось смягчение и некоторых норм уголовного права. За разбой без убийства и поджога вместо прежней смертной казни Указ от 28 ноября 1682 г. приказывал бить кнутом, отсекал левое ухо и два меньших пальца левой руки да ссылать в Сибирь. Последовавший в марте 1683 г. Указ отменил и членовредительство, мешавшее трудовой деятельности преступника: велено было «резать только уши, а не пальцы». Уложение 1649 г. повторное воровство карало смертью, указы времен Софьи заменяли смерть на битье кнутом и ссылку в Сибирь. Были изданы указы, отменявшие статью 14 главы 22 Уложения о закапывании живьем мужеубийц. За подобное преступление теперь предполагалось «отсечение головы». Однако, судя по повторным указам на данный счет, уже в Петровскую эпоху, как и по зафиксированным в мемуарах современников случаях «окапывания» жен-мужеубийц, древний судебный обычай брал свое вплоть до 1740-х гг.

Были приняты указы, направленные на поддержание нравственности, служебного долга и вообще, так сказать, «цивилизованных» форм поведения. Так, за игру в зернь, бражничество и растрату казенных денег июньский Указ 1684 г. ужесточил наказание: вместо кнута полагались батоги. Указ декабря 1682 г. запрещал проводить торги и ярмарки в воскресные дни, а Указ августа 1684 г. запретил торговлю в монастырях в ходе крестных ходов, так как шум и крики мешают «божественному пению», а кроме того, торги создают тесноту «в проходе и проезде». В марте 1686 г. запрещалась самовольная пальба из оружия частным лицам. С января 1683 г. велели пресекать превышение полномочий каральными стрельцами и солдатами. Внутри Москвы запрещено было пользоваться бичами, которыми возницы, судя по многочисленным челобитным, расчищая себе путь, «побивали людей».

Довольно часто в судебных делах применялся обычай смягчения приговоров по случаю какого-либо события, связанного с живыми государями или памятью их предков. К примеру, в августе 1682 г. жителей Новгорода, Твери, Пскова и нескольких других городов, которых следовало судить за неуплату недоимок, амнистировали по случаю поминовения царей Алексея Михайловича и его сына Федора. Была прощена немалая сумма – 157 062 рубля. Примером частного смягчения наказания может служить дело работного человека

Степана Колосова, который случайно в драке убил крестьянина. 29 июня 1684 г. по случаю именин «младшего царя» Петра смертная казнь была заменена штрафом в 50 рублей, которые преступник должен был постепенно выплатить вдове и детям покойного.

Правительство Софьи пыталось навести порядок и в процессе судопроизводства. Указы 1682–1689 гг. ограничивали время суда и разграничивали юрисдикцию многочисленных государственных учреждений. Это были меры, направленные на борьбу с волокитой, за которую Указ ноября 1685 г. налагал строгие наказания. С августа 1687 г. дела о воровстве и разбое вели только Сыскной и Земский приказы. Однако планы В.В. Голицына о разделении функций гражданских и военных чинов, о создании по типу польского апелляционного суда особой коллегии из 12 человек, которая будет рассматривать судебные дела, прежде решаемые Боярской думой, так и остались нереализованными.

Имея сложные отношения с патриархом Иоакимом, правительство Софьи пыталось дать духовенству некие преференции, чтобы смягчить церковную оппозицию в отношении европеизаторских действий правительства в военной области и в области культуры. (В данной статье мы не рассматриваем эти преобразования, т.к. они требуют отдельного исследования.) В 1686 г. патриарху удалось исходатайствовать царскую грамоту о неподсудности лиц духовного сана гражданским властям. Впрочем, политика частных уступок в отношении церкви не

принесла царевне Софье искомого компромисса, во время кризиса августа 1689 г. патриарх фактически встал на сторону «партии Нарышкиных».

Подводя итоги всему сказанному, следует отметить, что в области поиска путей реформирования государственного аппарата в последней четверти XVII в. появились многие подходы, которые позже были реализованы Петром I. Планы реформы Боярской думы, судебной системы, отмена местничества, создание новых принципов продвижения по службе, реформа местного управления – все эти начинания явились истоком преобразований Петра в дальнейшем. При этом методы, формы и темпы реформ конца XVII столетия были менее болезненными для общества. В целом реформы государственного управления и судопроизводства времен царя Федора и регентства Софьи остались незавершенными, что и предопределило возврат к ним первого императора России.

Chernikova T.V. The sources of Reforms of Peter I in reforms of the state administration in the government of Feodor III and in the government of regent Sofia.

Summary: The article is devoted to an examination of a question of the reform of the state administration in the government of Feodor III and in the government of regent Sofia in the last quarter of XVII century. The author tries to find the parallels between the reforms of the state administration of Peter I and the reforms of the state administration of Feodor III and I and regent Sofia. The author tries to find, what were the reasons of the reforms and the results and significance of this phenomenon.

Ключевые слова

Единое Московское государство XV–XVII вв., Российское царство XVII в., заимствование Россией военно-технического и культурного опыта Запада, европеизация России, западные новшества, реформа государственного управления, правление Федора III, регентство Софьи.

Keywords

Uniform Moscow state of XV–XVI centuries, Russian Kingdom XVII century, borrowing by Russia of military and technical as well as cultural experience of the West, Europeanization of Russia, Western innovations, reform of the state administration, the government of Feodor III, the government of regent Sofia.

Примечания

1. Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2006.
2. Там же. С. 6-7, 51-200, 555.
3. Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007.
4. Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы. М., 2000. С.381.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С.5-38. Последнее издание — Полис, 1994. № 1.
6. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990.
7. Соловьева Т.Б. Церковное управление России и государственный проект его реорганизации 1681-1682 гг. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991.
8. Волков М.Я. Об отмене местничества в России // История СССР. 1977. № 2.
9. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства XVI–XVII вв. М., 1978.
10. Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Указ. соч.
11. Подробнее см.: Линдси Хьюз. Царевна Софья 1657-1704. СПб., 2001. С. 141-158.